

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5905064>
УДК 273(908)

Соколов А.В., Демидов А.В.

Соколов Александр Владимирович, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (ТГПУ им. Л.Н. Толстого), Россия, 300026, г. Тула, пр-т Ленина, 125. E-mail: alks_2@mail.ru.

Демидов Андрей Викторович, преподаватель, Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9. E-mail: econ417@rambler.ru.

О социальном значении старообрядческих некрополей на примере буныревского федосеевского кладбища в Алексинском уезде

Аннотация. Актуальность статьи заключается в отсутствии работ, посвященных социальному аспекту старообрядческих кладбищ, на фоне востребованности исследований смертности и коммеморации по усопшему. Задача статьи – изучить социальный аспект старообрядческих кладбищ на примере федосеевского захоронения в селе Бунырево Алексинского уезда. Для решения этой задачи авторы должны были изучить ряд проблем. Первая проблема – правовая рамка. Вывод о регуляции погребального процесса старообрядцев по итогу изучения нормативно-правовой базы таков: ни о какой системе захоронения в XIX веке речи не было. Существовал комплекс норм, не образующих цельную систему. Отчасти это было обусловлено отсутствием кадров, способных нормально регулировать процесс захоронения. Вторая проблема – выявление значения кладбищ для старообрядцев в целом. Авторы приходят к выводу о раннем восприятии старообрядцами смертной культуры и практик коммеморации покойного ввиду более высокого значения для них кладбищ: они зачастую становились инфраструктурообразующей конструкцией. Третья проблема – причина дозволения федосеевцам иметь свое захоронение. Здесь ответ прост: староверы уже давно пользовались той территорией, которую хотели получить под кладбище, как погостом. Иными словами, они стремились легитимизировать свое погребение. Причину же стремления к легитимизации мы видим в желании более открыто совершать акты захоронения, а также в том, что вокруг легального кладбища возможно было хотя бы частично выстроить инфраструктурные институты по образу Преображенского кладбища.

Ключевые слова: федосеевцы, старообрядцы, кладбище, село Бунырево, Алексинский уезд, коммеморация, смертность, Преображенское кладбище.

Sokolov A.V., Demidov A.V.

Sokolov Alexander Vladimirovich, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy (TSPU named after L. N. Tolstoy), Russia, 300026, Tula, Lenina Prospect, 125. E-mail: alks_2@mail.ru.

Demidov Andrei Victorovich, Teacher, Russian university of transport (MIIT), Russia, 127994, Moscow, Obrazcova Ulitsa 9b9. E-mail: econ417@rambler.ru.

On the social significance of Old Believers' necropolises on the example of the Bunyrevsky Fedoseyevsky cemetery in Aleksinsky district

Abstract. The relevance of the article lies in the absence of works devoted to the social aspect of Old Believer cemeteries, against the background of the demand for research on mortality and commemoration of the deceased. The purpose of the article is to study the social aspect of Old Believers cemeteries on the example of the fedoseyevsky burial in the village of Bunyrevo, Aleksinsky district. To solve this problem, the authors had to solve a number of problems. The first problem was the legal framework. The conclusion about the regulation of the funeral process of Old Believers, as a result of studying the regulatory framework, is as follows: there was no question of any burial system in the XIX century. There was a set of norms that did not constitute an integral system. This was partly due to the lack of cadre capable of properly regulating the burial process. The second problem is understanding the meaning of cemeteries for Old Believers in general. The authors come to the conclusion about the early perception by the Old Believers of the mortal culture and customs of commemoration of the deceased due to the higher importance of cemeteries since they often became an infrastructure-forming structure. The third problem was that representatives of the fedoseyevsky community were allowed to have cemeteries. Here the answer is simple - the Old Believers have long used the territory they wanted to get under the cemetery as a graveyard. In other words, the Old Believers seek to legitimize their burial. We see the reason for the desire for legitimization in the desire to more openly commit acts of burial, as well as partially recreate infrastructure institutions around the legitimate cemetery in the image of the Transfiguration Cemetery.

Key words: fedoseevtsy, Old believers, cemetery, village of Bunyrevo, Aleksinsky district, commemoration, culture of death, Transfiguration cemetery.

Некрополистика – значимая вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением кладбищ (некрополей). На территории современного некрополя можно обнаружить тысячи информационных табличек, которые содержат имена, фотографии, даты, эпитафии и иногда причины смерти [3, С. 30-33]. В фондах Российской государственной библиотеки существуют десятки тысяч работ в этом направлении, не меньше исследований, затрагивающих проблематику погребальных обрядов и коммеморативно-мортальных практик у разных этноконфессиональных групп. В то же время работ, посвященных социальному аспекту некрополей, практически нет, особенно в исторической науке. Следует согласиться с Моховым С.В., который определяет «кладбище» как «не только приватное пространство скорби, но и публичное место, способное выполнять разные функции» [11, С. 249]. Именно в социальном ракурсе мы и рассмотрим некрополи на примере федосеевского кладбища села Бунырево Алексинского уезда.

Территориальные рамки были выбраны не случайно: дело в том, что данный населенный пункт нами уже был затронут в рамках исследования федосеевцев [5]. Однако в прежней статье исследователь-

ский ракурс не позволял фокусироваться на роли старообрядческих кладбищ вообще и на буныревских в частности. Стремясь всесторонне изучить феномен региональных центров тульского старообрядчества, мы вынуждены вернуться к прежним географическим рамкам с целью решить принципиально иную задачу: выявить социальное значение федосеевского кладбища села Бунырево Алексинского уезда. Для этого нам необходимо ответить на ряд вопросов: Какова была нормативно-правовая база, регулирующая погребальные процессы у старообрядцев? Какую социальную роль играли старообрядческие кладбища в целом? Почему дозволили федосеевцам легитимизировать свое погребение?

В ходе исследования федосеевцев села Бунырево, определив территориальные рамки, мы также должны указать хронологические: логично выделить в качестве нижней границы 1814 г., когда впервые была выявлена федосеевщина в интересующем нас населенном пункте. Верхней границей же выступит 25 октября 1868 г., когда было легитимизировано федосеевское кладбище [5].

Одним из важных выводов, к которому пришел гуманитарный научный мир XX века: мортальные практики – не инди-

видуальный акт, а социальный процесс. Еще в 1985 г. Хантингтоном Р. и Меткалфом П. была доказана тесная связь моральных практик и социальных, культурных, экономических и других пластов общества [20, р. 230]. Как это ни парадоксально, но специальной литературы, посвященной старообрядческим кладбищам как социальной конструкции, нет. Исключением является работа Мохова С.В. [11, С. 249-266], которая посвящена восприятию пространства современного Рогожского кладбища.

При таких обстоятельствах мы не можем опереться на опыт предыдущих исследователей, поэтому конструировать нашу работу придется, оперируя исключительно методологическим аппаратом. К основным принципам исторического познания, на которых строилась наша работа, относятся: историзм [18 С. 149-151], объективность [18, С. 347-349], целостность [18, С. 527-528]. Работа зиждется на антропологическом подходе [18, С. 21-22]. В основу проведения исследования был положен региональный подход, применяемый не для иллюстрации, а для выявления своеобразия локальной старообрядческой религиозной группы и ее исторического развития [18, С. 429-431], а также историко-генетический метод [18, С. 153].

Похоронная индустрия в Российской империи отсутствовала как таковая, а отсутствие моральной культуры приводило к запустению кладбищ. Так, один из тульских управляющих палатой государственных имуществ сетовал: «сельские кладбища представляют собой, иногда, вид самого жалкого небрежения: нередко от нахождения среди наших селений, и будучи открыты со всех сторон без всякой огородки служат бурвищем (пастбищем – здесь и далее наши пояснения А.В, А.В.), для бродячего скота, который растаптывает и обрывает могилы» [17, Л. 1-об]. Отчасти это связано с несовершенством правовых норм и институтов, способных всецело урегулировать эту отрасль [12, С. 56-61]. Кладбища управлялись господствующей церковью или же национальной/религиозной

общиной, но последние не всегда имели возможность получить официальное дозволение на собственное захоронение. Правовое положение старообрядческих погостов было подвижно: власти могли как позволить им иметь свои захоронения, так и запрещать их; как смотреть сквозь пальцы на самовольные погребения, так и стремиться их прекратить. Нас же в первую очередь интересует отношение власти к федосеевским кладбищам, так как Бунырево было центром именно этого согласия.

Что же представляло собой федосеевское кладбище в селе Бунырево? Для ответа на этот вопрос обратимся к рапорту, составленному в Тульскую духовную консисторию благочинным 1-го Алексинского округа Александром Покровским 21 сентября 1904 года [13, Л.5-6]. В своем рапорте благочинный указывает на то, что кладбище имеет размер 20 на 10 сажений (примерно 42 метра на 21 метр), отстоит от церкви на 50 сажений (~107 метров), на кладбище имеется около 30 надгробных холмов, а свободного места для погребения – около двух третей.

Сложно выявить документ, который послужил нормализации существования старообрядческих кладбищ, по всей видимости, нормотворцы пытались придать логику и юридическую форму тому, что порой возникало стихийно и регулировалось исключительно внутренней традицией конкретной общины. Создание Преображенского кладбища – погоста, возникшего по дозволению Екатерины II в 1771 г., стало наиболее значимым для истории федосеевского согласия [6, С. 439-436]. Пожалуй, это был единственный раз, когда федосеевцы открыто получили место погребения.

Несмотря на то, что их обряд погребения был в целом схож с православным [14, С. 42-43], в федосеевском согласии кладбища имели большее значение, чем в «православии». Ввиду невозможности открыто организовывать религиозную бытность, конечно же, если речь не шла о местах, отдаленных от административных

центров [2, С. 50; 16, С. 83-84], кладбище зачастую выступало как инфраструктурообразующая конструкция. На них сообщалась значительная часть общины, вокруг кладбищ выстраивались староверческие институты, и они же выступали как центры управления общиной. Наиболее яркими примерами здесь служат Преображенское и Рогожское кладбища. Стоит отметить, что в отдельных случаях именно по «принадлежности» к кладбищу идентифицировали себя староверы [8, С. 483]. В условиях неразвитости коммеморативных практик по усопшему и слабой мортальной культуры [12, С. 58] ревнители древнего благочестия были одними из первых, кто активно навещал покойных. Об этом говорит уже то, что они были обеспокоены возможной отдаленностью расположения захоронений родных [8, С. 245-246]. Таким образом, можно сказать, что для старообрядцев в целом была свойственна мортальная культура, которая получила свое развитие в связи со значимостью кладбищ для формирования староверческой инфраструктуры и идентичности.

В первой половине XIX века организация похоронного дела и регуляция старообрядческого погребения государством затрагивались в контексте освидетельствования тела покойного [15]. Старообрядцы должны были заранее уведомлять о своих погребальных процессиях власть. Проблема в том, что значимая часть идентифицирующих себя «староверами» маскировала себя «православием», что порой приводило к казусным ситуациям. Так, еще в период относительного спокойствия – при правлении Александра I – федосеевцы практиковали плату священникам, будто они ходят на исповедь, а после смерти их самовольно хоронили на староверческом погосте, что в свою очередь провоцировало судебные прения, осложнявшие жизнь родственникам покойного [8, С. 37-38]. Зная о подобной проблеме, государство не понимало, как ее решить. Император повелел: «...со стороны Священников нужно духовному начальству принять к предупреждению оных меры, а Старообрядцам в

непременную обязанность поставить, чтоб они тел умерших не погребали без ведома и дозволения Полиции...» [8, С. 37-38]. Иными словами, со священниками провести воспитательную беседу о запрете брать взятки, а со старообрядцами – о должностовании выполнять ранее предписанные меры. Фактически мы имеем дело с мертворожденной нормой, которая не могла решить стоящих перед ней задач. Нерешенность проблемы судьбы тела, формально православного, оставалась таковой вплоть до 1910-х годов. Одним из популярных методов решения проблемы являлось похищение тела старообрядцами [1, С. 83], также как и выкуп у священства покойного [19, С. 89]. В отдельных случаях ревнивые священники буквально отнимали тело «православного» у старообрядцев [19, С. 98-99], что, скорее, возникло в период относительных религиозных свобод – после реформ 1905–1906 гг.

Важной нормой для последующей легитимизации староверческих погребений стало императорское разрешение на имя тамбовского губернатора от 13 мая 1803 г., предписывающее захоранивать духоборов на специально отведенном месте. В дальнейшем эта норма дублировалась, становясь тем юридическим прецедентом, на который можно было ссылаться при дозволении старообрядческих кладбищ. В частности, так получили место под погребения новгородские древлеправославные 7 мая 1812 г. [8, С. 41]. Сейчас подобная трансляция норм, принимаемых в отношении духоборов, на старообрядцев может показаться странной, однако в первой половине XIX века в этом не было ничего удивительного – оба этих религиозных движения классифицировались как «раскол», соответственно, нормативно-правовая рамка была одинаковой.

Новая политика в отношении погребения староверов началась 3 ноября 1838 г. По новым правилам было запрещено отводить новые кладбища беспоповцам: теперь их должны были захоранивать на старых погостах либо на специально отведенных

участках «православных кладбищ» [8, С. 245-246]. С учетом того, что старообрядцы и прежде имели практику самовольных захоронений, следует признать, что данная норма только лишь прервала возможную легитимизацию старообрядческих погребений. В условиях же тотальной нехватки чиновников и их загруженности, на протяжении всего XIX века [10, С. 445] контроль за погребальными практиками староверов был практически невозможен. Не лучше, в сравнении с чиновниками, было положение священства, вынужденного взять на себя пласт делопроизводства, что, вкуче с обязанностями непосредственно священника и нехваткой времени для самообеспечения [9, С. 374], привело к поиску альтернативных источников доходов: развивалось взяточничество сельского духовенства. Таким образом, особое положение священства и чиновничества обеспечивало «невидимость» кладбищ для властей. Разумеется, выявленных участников за «незаконное погребение» или установление факта захоронения, сопровождающегося «не православным ритуалом» – наказывали [1, С. 120-121]. К сожалению, невозможно даже приблизительно установить количество регистрируемых самовольных погребений.

С приходом к власти Александра II эта норма, по всей видимости, не была отменена. Вопрос же о старообрядческих кладбищах теперь решался в индивидуальном порядке, как это случилось с федосеевским захоронением Бунырево, легитимизированным 29 октября 1868 г. [4, Л. 6-8] по следующим причинам: земля, которую просили старообрядцы для погребений, принадлежала крестьянской общине Бунырево; место под кладбище было достаточно удаленно от населенных пунктов [4, Л. 6]; «при том, они давно уже и беспрепятственно пользуются этим участком, который спрашивают – на исправление теперь они зарывали своих умерших только взрослых, каковых с ведома и по прошению гражданской полиции я с причтом провожал из домов до кладбища» [4, Л. 7]; не менее важно было то, что крещеных

младенцев они захоранивали на православном кладбище [4, Л. 7-об], что, надо сказать, следовало норме, установленной еще 24 апреля 1840 г. [8, С. 287].

29 октября 1868 г. не было отведено место под старообрядческое Буныревское кладбище – оно уже существовало, причем об этом захоронении уже знала местная власть. Говоря современным юридическим языком – федосеевцы официально изменили целевое назначение земельного участка, тем самым легитимизировав ранее проводимые погребальные практики. К сожалению, у нас нет источников для того, чтобы установить причину выведения старообрядческого захоронения из «серой зоны» – скорее всего, ими были возможность открыто захоранивать своих единоверцев, а также желание сформировать локальный центр федосеевщины.

Таким образом, старообрядцы Бунырево оформили участок под кладбище в первую очередь потому, что уже самовольно использовали его для этих целей. При этом формально они исполняли другие правовые нормы при организации захоронения: кладбище находилось удаленно от поселения (санитарная норма), перед погребением уведомлялась полиция (санитарная и религиозно-правовая норма), крещеные в «господствующей церкви» младенцы покоились на «православном» погосте (религиозно-правовая норма). В условиях формального запрета на организацию новых старообрядческих кладбищ – они возникали самовольно – их незаметность для различных эшелонов власти обеспечивалась коррумпированным местным священством, а также неспособными реагировать в силу численной нехватки загруженными чиновниками. Сами по себе кладбища имели огромное значение для староверов, зачастую они выступали инфраструктурообразующими конструктами, что позже приводило к идентификации себя по «принадлежности» к кладбищу. Буныревские федосеевцы, осознавая колоссальное влияние Преображенского кладбища в легитимизации своего захоронения, по всей видимости, стремились воспроиз-

вести часть религиозной инфраструктуры в родном селе. Также легальное кладбище

позволяло более открыто совершать погребения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук В.В. Преступления против религии по законодательству России конца XIX - начала XX вв.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2016. 267 с.
2. Апанасенок А.В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII - начале XX века Курск: Региональный открытый социальный ин-т, 2014. 397 с.
3. Громов Д.В. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30–33.
4. Дело о выделении земли под кладбище старообрядцев в селе Бунырево Алексинского уезда // ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5495 Л. 12.
5. Демидов А.В., Соколов А.В. К вопросу о локальных центрах старообрядчества: на примере села Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX - начале XX века // Гуманитарный научный вестник. 2021. №8. С. 19-27. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Demidov.pdf>
6. Зеньковский С.А. Русское Старообрядчество В двух томах. / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. 688 с.
7. Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации Российского общества (конец XIX–первая треть XX века): дис....док.ист.наук: 07.00.02.Барнаул,2018.583с
8. МВД. Собрание постановлений по части раскола. СПб: Печатано в типографии Министерства внутренних дел, 1875. 766 с.
9. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
10. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
11. Мохов С.В. «Память не в камне живет»: пространство Рогожского кладбища в рассказах его посетителей // Антропологический форум. 2014. №22. С. 249-266
12. Мохов С.В. Роль материально-технической инфраструктуры в институционализации похоронного дела в современной России: дис. на соискание канд. соц. наук. М., 2019. 159 с.
13. Об отказе Тульской духовной консисторией прихожанам Смоленской церкви села Бунырево Алексинского уезда в закрытии кладбища раскольников и отводе им нового места захоронения уезда // ГУ ГАТО Ф. 3. Оп. 10. Д. 3066. Л. 5-6.
14. Павел Краткие известия о существующих в расколе сектах об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями, архимандрита Павла. М.: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1885. 88 с.
15. Полное собрание законов Российской империи Т. 38 (1863) Ч.2 С. 88-89 № 40094.
16. Ряжев А.С. Старообрядчество юга России в политике абсолютистского государства (XVIII в.) Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2018. 415 с.
17. Сообщение Тульской палаты государственных имуществ в Тульскую духовную консисторию о необходимости замены места под кладбище в селе Бунырево Алексинского уезда // ГУ ГАТО Ф. 3. Оп. 5. Д. 238. Л. 4.
18. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
19. Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов СПб: Государственная Типография, 1912. 656 с.
20. Huntington R., Metcalf P. Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual. Cambridge University Press, 1985. 304 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Androshhuk V.V. Prestuplenija protiv religii po zakonodatel'stvu Rossii konca XIX - nachala XX vv.: avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskikh nauk. M., 2016. 267 s.
2. Apanasenok A.V. Religioznyj tradicionalizm v provincial'noj Rossii: istorija staroobryadcheskikh soobshhestv Central'nogo Chernozem'ja v XVII - nachale XX veka Kursk: Regional'nyj otkrytyj social'nyj in-t, 2014. 397 s.
3. Gromov D.V. «Vy menja ne zhdite...»: chto fiksiruetsja na sovremennyh mogil'nyh pa-mjatnikah // Zhivaja starina. 2010. № 1. S. 30–33.
4. Delo o vydelenii zemli pod kladbishhe staroobryadcev v sele Bunyrevo Aleksinskogo uezda // GU GATO. F. 3. Op. 9. D. 5495 L. 12.
5. Demidov A.V., Sokolov A.V. K voprosu o lokal'nyh centrakh staroobryadchestva: na primere sela Bunyrevo Aleksinskogo uezda Tul'skoj gubernii v XIX - nachale XX veka // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2021. №8. S. 19-27. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Demidov.pdf>
6. Zen'kovskij S.A. Russkoe Staroobryadchestvo V dvuh tomah. / Sost. G.M. Prohorov. Obshh. red. V.V. Nehotina. M.: Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009. 688 s.
7. Kuprijanova I.V. Staroobryadchestvo Altaja v uslovijah radikal'noj transformacii Rossijskogo obshhestva (konec XIX – pervaja tret' XX veka): dis. ... dok. ist. nauk: 07.00.02. Barnaul, 2018. 583 s.
8. MVD. Sobranie postanovlenij po chasti raskola. SPb: Pechatano v tipografii Mini-sterstva vnutrennih del, 1875. 766 s.
9. Mironov, B. N. Rossijskaja imperija: ot tradicii k modernu: v 3 t. / B. N. Mironov. T. 1. SPb.: DMITRIJ BULANIN, 2014. 896 s.
10. Mironov, B. N. Rossijskaja imperija: ot tradicii k modernu: v 3 t. / B. N. Mironov. T. 2. SPb.: DMITRIJ BULANIN, 2015. 912 s.
11. Mohov S.V. «Pamjat' ne v kamne zhivet»: prostranstvo Rogozhskogo kladbishha v rasskazah ego posetitelej // Antropologicheskij forum. 2014. №22. S. 249-266
12. Mohov S.V. Rol' material'no-tehnicheskoi infrastruktury v institucionalizacii pohoronnoogo dela v sovremennoj Rossii: dis. na soiskanie kand. soc. nauk. M., 2019. 159 s.
13. Ob otkaze Tul'skoj duhovnoj konsistoriej prihozhanam Smolenskoj cerkvi sela Bu-nyrevo Aleksinskogo uezda v zakrytii kladbishha raskol'nikov i otvode im novogo mesta zahoroneniya uezda // GU GATO F. 3. Op. 10. D. 3066. L. 5-6.
14. Pavel Kratkije izvestija o sushhestvujushhijh v raskole sektah ob ih proishozhdenii, uchenii i obrjadah, s kratkimi o kazhdoj zamechanijami, arhimandrita Pavla. M.: tip. Je. Lissnera i Ju. Romana, 1885. 88 s.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii T. 38 (1863) Ch.2 S. 88-89 № 40094.
16. Rjazhev A.S. Staroobryadchestvo juga Rossii v politike absoljutistskogo gosudarstva (XVIII v.) Jelista: Kalmyckij nauchnyj centr RAN, 2018. 415 s.
17. Soobshhenie Tul'skoj palaty gosudarstvennyh imushhestv v Tul'skuju duhovnuju konsistoriju o neobhodimosti zameny mesta pod kladbishhe v sele Bunyrevo Aleksinskogo uezda // GU GATO F. 3. Op. 5. D. 238. L. 4.
18. Teorija i metodologija istoricheskoi nauki. Terminologicheskij slovar' / Otv. red. A. O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. 576 s.
19. Jasevich-Borodaevskaja V.I. Bor'ba za veru. Istoriko-bytovye ocherki i obzor zakonodatel'stva po staroobryadchestvu i sektantstvu v ego posledovatel'nom razvitii s prilozheniem statej zakona i vysochajshih ukazov SPb: Gosudarstvennaja Tipografija, 1912. 656 s.
20. Huntington R., Metcalf P. Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual. Cambridge University Press, 1985. 304 p.

Поступила в редакцию 15.01.2022.

Принята к публикации 21.01.2022.

Для цитирования:

Соколов А.В., Демидов А.В. О социальном значении старообрядческих некрополей на примере буныревского федосеевского кладбища в Алексинском уезде // Гуманитарный научный вестник. 2022. №1. С. 9-15. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/01/Sokolov.pdf>